

УДК 1(091)

Е.В. Орлов

**АРИСТОТЕЛЬ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ, ОБЫДЕННОМ
И ДЕЯТЕЛЬНОМ ЗНАНИИ В «ПЕРВОЙ АНАЛИТИКЕ» II 21**

*Уточняется аристотелевское понимание «универсального», «обыденного» и «деятельного» знания и вносятся соответствующие поправки к существующим комментариям к фрагменту *An. Pr. II 21, 67a8–67b11*. Особое внимание уделяется «обыденному знанию», показывается, чем оно отличается как от знания о частном, так и от индуктивных посылок «подстановочных» силлогизмов.*

Ключевые слова: Аристотель, универсальное знание, деятельное знание, обыденное знание.

Аристотель различает приобретение универсального знания и применение универсального знания к частным случаям. Нас в данной статье будет интересовать, прежде всего, второе – применение универсального знания, что на языке Аристотеля называется «деятельным знанием» (*ἡ ἐπιστήμη ὡς ἐνεργεία* – букв. знание как деятельность)¹. О деятельном знании Аристотель ведет речь, в частности, в *An. Pr. II 21*. Существующие истолкования соответствующего фрагмента этой главы и комментарии к нему нам представляются спорными. Цель данной статьи – уточнить аристотелевское понимание «универсального» (*καθόλου*), «обыденного» (*οἰκεῖν*) и «деятельного» знания и внести соответствующие поправки к комментариям к фрагменту *An. Pr. II 21, 67a8–67b11*.

I

Прежде чем приступить к *An. Pr. II 21, 67a8–67b11*, вспомним, что вообще Аристотель говорит о деятельном знании. Из вторичной литературы широко известно, что Аристотель в своей онтологии разделяет сущее в возможности и сущее в действительности. Меньше внимания в той же вторичной литературе уделяется тому обстоятельству, что возможность присутствует у Аристотеля двояко, как возможность возникновения (возможность как материя сущности, *possibilitas*) и как возможность-способность движения, или же изменения, уже возникшего (*potentia*). А.Ф. Лосев пишет по этому поводу:

Нельзя сказать, чтобы Аристотель дал вполне четкую формулировку этих двух совершенно различных моментов. Однако они у него настолько ярко противопоставляются один другому и сопровождаются настолько ясными примерами, что смешивать их значило бы просто не усваивать всей проблемы [1. С. 97]².

¹ В англоязычном аристотелеведении «деятельное знание» учитывается как *exercising knowledge*.

² Отметим, что В.Ф. Асмус [2] и А.Н. Чанышев [3] в своих изложениях философии Аристотеля двоякость «возможности» должным образом не учитывают.

С двоякостью возможности у Аристотеля мы встречаемся и в связи со знанием. Он пишет об этом в *De An.* II 5 и *Phys.* VIII 4. Рассмотрим оба соответствующие фрагмента. В *De An.* II 5 Аристотель ведет речь о чувственном восприятии как способности ($\eta\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$) и как деятельности ($\eta\ \delta\grave{\epsilon}\ \acute{\omega}\varsigma\ \epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\epsilon\acute{\iota}\alpha$). Однако в этой же главе есть фрагмент, касающийся *эпистемы* (знания, разумения). Мы рассмотрим именно его.

417a21–22: Нам надо произвести разделение возможности ($\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\omega\varsigma$) и действительности ($\epsilon\upsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$), ибо ныне мы говорили о них просто¹.

417a22–29: Ибо, во-первых, есть нечто знающее ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\acute{\omicron}\nu$) так, как мы бы назвали человека знающим ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\omicron\nu\alpha$), потому что человек из [рода] знающих и имеющих знание; во-вторых, [так], как мы называем знающим грамотного [человека, т.е. человека, владеющего грамматикой]; в каждом из этих двух [случаев] возможность [присутствует] не тем же способом: в первом случае [знание возможно], потому что род и материя [человека] таковы, во втором же случае, потому что [человек], пожелав, способен ($\delta\upsilon\nu\alpha\tau\acute{o}\varsigma$) [теоретически] созерцать ($\theta\epsilon\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$) [нечто], если бы что-то извне не воспрепятствовало; а уже [теоретически] созерцающий [человек] – действительно и главным [образом] знает вот это *A*.

417a30–417b1: Итак, оба первые, <будучи> знающими в возможности, <становятся знающими в деятельности ($\epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\epsilon\acute{\iota}\alpha$)>; но один [становится знающим], превращаясь через обучение, т.е. часто изменяясь из [одного] уклада в противный; другой же, владеющий арифметикой или грамматикой, [становится знающим] иным способом, [переходя] от недейтельного [владения тем или иным знанием] к деятельному.

В этом фрагменте Аристотель разделяет знание в возможности (в двух вариантах) и знание в деятельности. Одно дело, когда человек способен знать, потому что он способен приобрести знание; другое дело, когда человек способен к знанию, потому что он способен применить уже приобретенное знание; и третье дело – деятельное знание, т.е. применение уже приобретенного знания [4. С. 70].

Схожее содержание имеет фрагмент *Phys.* VIII 4, 255a33–b5:

255a33–34: Иначе [знает] в возможности учащийся, знающий [в возможности], и тот, кто уже владеет [знанием], но деятельно его не [применяет].

255a34–255b5: Всегда, когда действующее и претерпевающее суть вместе, возможное становится деятельным, например, учащийся из возможно знающего становится по-другому возможно знающим (ибо владеющий знанием, но [теоретически] не созерцающий, есть каким-то образом знающий в возможности, но не таким [способом], как до обучения); и когда [человек] так владел бы [знанием, т.е. был бы уже обученным], если бы ничто не мешало, [становится] деятельным и [теоретически] созерцающим, или он будет в противоречии [со своей способностью] и в неведении.

В этом фрагменте мы вновь встречаемся с аристотелевским разделением знания в возможности (в тех же двух вариантах) и деятельным применением знания. Обратим внимание на глагол $\theta\epsilon\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$ (созерцать), к корню которого (с точки зрения словообразования) восходит современное слово «теория». В обоих вышеприведенных фрагментах мы перевели его как «[теоретически]

¹ Здесь и далее Аристотель цитируется в переводах автора статьи.

созерцать». В этих фрагментах Аристотель указывает этим глаголом на деятельное применение уже имеющегося знания.

А теперь обратимся собственно к *An. Pr.* II 21. Нас будут интересовать, прежде всего, гносеологические особенности деятельного знания. Мы уже обращались к проблематике применения универсального знания в книге «Философский язык Аристотеля» [4. С. 299–307]. Сейчас мы продолжим рассмотрение этой проблематики.

II

Вообще в *An. Pr.* II 21 речь идет о возможных ошибках при допущении силлогических посылок (66b18–19):

Иногда получается [так, что] как при постановке терминов ошибаемся, так и на основании допущения (*κατὰ τὴν ὑπόληψιν*) возникает ошибка...¹

Следует обратить внимание на то, что речь идет об *ошибке* (ἡ ἀπάτη), а не о *лжи* (τὸ ψεῦδος). Однако нас будут интересовать не столько сами ошибки, сколько один пример, который Аристотель рассматривает в качестве пояснения одного из вариантов таких ошибок (67a8–30), а также часть последующего текста, в котором говорится о «дейтельном знании» (67a30–67b11).

Итак, Аристотель пишет в *An. Pr.* II 21, 67a8–67b11:

67a8–11: Ибо такая ошибка сходна [с тем], как ошибаемся касательно частного, например, если всему, чему [присуще] *В*, присуще *А*, *В* же всем *Г*, [то] *А* будет присуще всем *Г*.

67a11–12: Если же кто-то ведает, что *А* присуще всему, чему присуще *В*, [то он] ведает и [то], что [*А* присуще] *Г*.

67a12–14: Однако ничто не мешает не ведать, что *Г* есть [т.е. не познать: есть ли *Г*], например, если *А* [означает] два прямых [угла], *В* же – треугольник, а *Г* – чувственно воспринимаемый треугольник.

67a14–16: Ибо если бы кто-то принял, [что] *Г* нет, ведая, что всякий треугольник содержит два прямых угла, то он *то же* вместе и будет ведаť (εἴσεται), и не будет ведаť (ἀγνοήσεται).

67a16–19: Ибо ведение [того, что углы] всякого треугольника [равны] двум прямым, не есть простое; но, с одной стороны, это [ведение] благодаря обладанию *кафолическим* знанием, с другой стороны, единичным.

67a19–21: Так, с одной стороны, ведает *Г* ([т.е. ведает], что [у *Г* углы равны] двум прямым) благодаря *кафолическому* [знанию]; с другой стороны, не ведает – благодаря единичной; поэтому не будет иметь противностей.

67a21–22: Сходно [следует истолковывать] довод в «Меноне», что учеба есть припоминание.

67a22–24: Ибо никогда не получается знать единичное заранее [*А Г*], а [получается] принять знание о частном [*А Г*] вместе с наведением [*В Г*], как бы узнавая [единичное] [*В Г*].

67a24–25: Ибо о некоторых сразу ведаем, например, что [углы равны] двум прямым [*А Г*], если бы увидели, что [это] треугольник [*В Г*].

67a26: Сходно же и для иных.

¹ Р. Смит справедливо указывает, что ошибки «при постановке терминов» Аристотель рассматривает также в *An. Pr.* I 33 [5. С. 213].

67a27–30: [Ведаю] *кафолически*, [теоретически] созерцаем частное, обыденно же [частное] не ведаем; таким образом можно и ошибиться [относительно] него, [т.е. частного], однако, не [впадая] в противность; но, имея *кафолическое* [знание], ошибаться [относительно] частного.

67a30–33: Сходно и с вышеприведенными [посылками]; ибо ни ошибка на основании среднего не противна знанию на основании силлогизма, ни допущение на основании каждого из двух средних [не противно знанию на основании силлогизма].

67a33–37: Ничто не мешает, ведая, и что *A* присуще в целом *B*, и опять же, что это [*B*] – *Г*, думать, что *A* не присуща *Г*, например, что всякая самка мула бесплодна, и [что] это – самка мула, [и] думать, что она зачала; ибо без совместного созерцания (*συνθεωρῶν*) обеих [посылок] не разумеется, что *A* [присуще] *Г*.

67a37–39: Таким образом, ясно, что если одно ведает, а другое не ведает, обманется; как [раз так] имеются *кафолические* [знания] относительно знаний на основании части.

67a39–67b3: Ибо о чувственно воспринимаемом, вне чувственного восприятия оставшемся, ничего не ведаем, даже если бы нам случалось чувственно воспринимать, разве что *кафолически*, и имея обыденное знание, но не деятельно.

67b3–5: Ибо «знать» говорится трояко: или *кафолически*, или обыденно, или деятельно, так что и ошибаться [можно] столькими [же способами].

67b5–7: В самом деле, ничто не мешает и ведаť, и ошибаться относительно *того же*, однако не противно.

67b7–8: Так получается [у того, кто], ведая каждую из двух посылок, не рассмотрел [их] раньше [вместе].

67b8–11: Ибо он, принимая [допущение] «самка мула зачала», не имеет деятельного разумения, но не из-за допущения ошибки, противной *эпистеме*: ибо ошибка противная *кафолическому* – силлогизм.

Суть этого фрагмента сводится к строкам (67b3–5):

Ибо «знать» говорится трояко: или *кафолически* [т.е. универсально], или обыденно, или деятельно, так что и ошибаться [можно] столькими [же способами].

Существующие переводы всех трех вариантов знания мы представили в табл. 1.

Таблица 1

An. Pr. II 21, 67b3–5			
Переводчики	ὥς τῇ καθόλου – универсально	ὥς τῇ οἰκείᾳ – обыденно	ὥς τῇ ἐνεργεῖν – деятельно
Дженкинсон [6]	knowledge of the universal	knowledge proper to the matter in hand	to exercise such knowledge
Фохт [7]	[знание] общее	частное	действительное
Микеладзе [8]	общее знание	частное	знание в действии
Смит [5]	as knowing by means of universal knowledge	knowing by means of the peculiar knowledge of something	as knowing by means of exercising knowledge

«Кафолически» значит универсально. Что значит «знать универсально»? Это значит обладать универсальным знанием, например обладать умозаключением

чением AaB , $Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$ (Γ в данном случае обозначает универсальный термин).

Что значит «знать деятельно»? Это значит применить универсальное знание к частному случаю, например сделать умозаключение $Aa\Gamma$, $\Gamma\gamma \vdash A\gamma$. Аристотель в разных фрагментах обозначает заглавной буквой Γ и универсальные термины, и единичные. Мы же для наглядности, как и в [4. С. 299–307], универсальные термины обозначаем заглавной буквой Γ , а единичные, входящие в логический объем универсальных, – прописной буквой γ .

Что значит «знать обыденно»? Это значит «знать» $A\gamma$ без всякого умозаключения, т.е. ведать об этом на основании обыденного опыта.

Ошибочным было бы знание « A не присуще γ ». Почему это ошибка, а не ложь? Для $Aa\Gamma$ ложью было бы $Ao\Gamma$, ибо именно $Ao\Gamma$ противоречит $Aa\Gamma$. « A не присуще γ » не противоречит $Aa\Gamma$, потому что в этих суждениях субъекты разные.

Что значит «ошибаться можно столькими же способами»? Ошибочное знание « A не присуще γ » можно получить трояко:

1) применить к частному случаю ложное универсальное знание (AeB , $Ba\Gamma \vdash Ae\Gamma$), т.е. умозаключить $Ae\Gamma$, $\Gamma\gamma \vdash \langle A \text{ не присуще } \gamma \rangle$;

2) ошибиться при применении универсального знания, т.е. умозаключить $Aa\Gamma$, « Γ не есть γ » $\vdash \langle A \text{ не присуще } \gamma \rangle$;

3) ошибочно подумать без всякого умозаключения, т.е. обыденно, что « A не присуще γ ».

Проиллюстрируем также наше истолкование этого положения аристотелевским примером из этой же главы (67a33–37, 67b8–11):

Универсальное знание: всякая самка мула бесплодна.

Индуктивная посылка: вот это – самка мула.

Деятельное знание: если всякая самка мула бесплодна, а вот это – самка мула, то она бесплодна.

Обыденное знание: эта самка мула бесплодна.

Ошибка универсального знания: не всякая самка мула бесплодна.

Ошибка деятельного знания: если всякая самка мула бесплодна, а это – самка мула (а на самом деле это – ослиха), то она бесплодна.

Ошибка обыденного знания: эта самка мула зачала.

Возможна еще одна познавательная ситуация:

Не всякая самка мула бесплодна, а это – самка мула, и она зачала.

В данном случае мы имеем дело с первым вариантом ошибки, т.е. с ошибкой универсального знания.

Аристотель различает универсальное знание (AaB , $Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$) и частное, или же единичное, будь то деятельное ($Aa\Gamma$, $\Gamma\gamma \vdash A\gamma$) или обыденное ($A\gamma$). Вот тут и возникают спорные комментарии. Так, Р. Смит считает, что Аристотель в данной главе ведет речь о двух дистинкциях: о знании универсальном и частном (*universal and particular*) и знании имеющемся и применяемом (т.е. о знании в возможности и деятельности). Он пишет [5. С. 215, прим. к 67a38–67b11]:

Эти две дистинкции независимы друг от друга: и универсальное знание, и частное знание может быть или применяемым, или имеющимся, но не применяемым..., –

У Р. Смита получается, что при применении универсального знания к частному случаю ($AaГ, Гγ \vdash Ay$) посылка $Гγ$ оказывается деятельным частным знанием, а заключение Ay – деятельным универсальным знанием, что представляется нам спорным. Более того, $Гγ$ оказывается у него еще и обыденным знанием.

Применительно к рассмотренному выше примеру с самкой мула у него получается:

Индуктивная посылка: *вот это* – самка мула – оказывается примером деятельного частного знания (хотя тут же он называет его чувственным восприятием: *the actual perception of sensible objects* – «дейтельное чувственное восприятие чувственно воспринимаемых предметов»).

Деятельное знание: если всякая самка мула бесплодна, а вот это – самка мула, то она бесплодна, – оказывается примером деятельного универсального знания (*the actual making of inferences* – «дейтельное умозаключение»).

Отметим, что и в русских переводах *An. Pr.* II 21 не различают знание о частном ($AaГ, Гγ \vdash Ay$), обыденное знание (Ay) и вторую (индуктивную) посылку подстановочных силлогизмов ($Гγ$). Это приводит к тому, что в русских переводах «обыденное» (οἰκεῖον) переводят как «частное» (см. табл. 1). Там, где Аристотель пишет:

[Веда] кафолически, [теоретически] созерцаем частное, обыденно же [частное] не ведаем», –

З.Н. Микеладзе (сходно с Б.А. Фохт) дает перевод (67a27–28):

Таким образом, зная общее, мы усматриваем частное, но через само знание частного (τῇ δ' οἰκεῖα) мы его не знаем [8].

Более того, «дейтельное знание» Б.А. Фохт истолковывает следующим образом [7. Прим. 11 к *An. Pr.* II 21]:

Действительное [т.е. деятельное. – Е.О.] знание, по Аристотелю, есть соединение знания общего со знанием частного (с чувственным восприятием). Это соединение знания общего (знания большей посылки) со знанием частного (знанием меньшей посылки) происходит, говорит Аристотель, через средний термин.

В данном случае Б.А. Фохт называет «частным знанием» вторую (индуктивную) посылку деятельного силлогизма, т.е. посылку: *вот это* – самка мула.

Далее в данной статье мы рассмотрим, что есть «частное знание» у Аристотеля, затем – что есть «обыденное знание». И, наконец, – что собой представляет вторая (индуктивная посылка) подстановочного силлогизма.

III

В нашей статье «Аристотель о частных и универсальных доказательствах во “Второй аналитике” I» мы уже писали, что у Аристотеля надо различать частное суждение (A присуща некоторым B) и частное доказательство (а доказательство есть *эпистема*, т.е. знание) [9]. Частность и универсальность доказательства (и знания) не зависят от частности или универсальности заключения доказывающего силлогизма, они зависят от универсальности субъекта заключения. Например, если мы доказали, что *сумма внутренних углов всякого равнобедренного треугольника равна двум прямым*, то мы произвели частное доказательство, а если доказали, что *сумма внутренних углов всякого*

треугольника равна двум прямым, то мы доказали универсально. Для внутренних углов, равных двум прямым, универсальным подлежащим будет *треугольник*, а *равнобедренный треугольник* – частное.

Вообще, аристотелевское противопоставление «универсальное – частное» относительно. Если *равнобедренный треугольник* – частный по отношению к *треугольнику вообще*; то *равнобедренный треугольник вообще* по отношению к единичному по числу чувственно воспринимаемому *вот этому равнобедренному треугольнику* – универсальный. Более того, выражения τὸ κατὰ μέρος (частное) и τὸ καθ' ἑκάστων (единичное) на языке Аристотеля могут означать «частное по числу, по виду и по роду», «единичное по числу, по виду и по роду». В *An. Pr.* II 21 Аристотель отождествляет знание о частном со знанием о единичном, т.е. употребляет слово «частное» в смысле «частное по числу». Выражения «частная посылка» и «единичная посылка» означают у Аристотеля разное; а выражения «*эпистема* о частном (по числу)» и «*эпистема* о единичном (по числу)» означают с формально-логической точки зрения одно и то же (единичную посылку), а с *эпистемической* точки зрения – или заключение подстановочного силлогизма, или единичное допущение без всякого силлогизма. Выражения, указывающие у Аристотеля на «субъект» *эпистемы* о частном, мы представили в табл. 2 и 3.

Таблица 2

τὸ ἐν μέρει, τὸ κατὰ μέρος – частное				
Переводчики	67a9	67a23–24	67a27	67a30
Дженкинсон [6]	concerning particulars	of the particulars	the particulars	in apprehending the particular
Фохт [7]	при частных [суждениях]	о частном	частное	относительно частного [знания]
Микеладзе [8]	в отношении частного	частного	частное	относительно частного
Смит [5]	particular remises	of the particulars	the particulars	about the particular
Предлагаемые пер.	касательно частного	о частном	частное	[относительно] частной [эпистемы]

Таблица 3

τὸ καθ' ἑκάστων – единичное			
Переводчики	67a18–19	67a20	67a22–23
Дженкинсон [6]	of the particulars	with a knowledge of the particulars	the particular
Фохт [7]	знание о частном	через [знание] частного	единичное
Микеладзе [8]	знание частного	зная частное	единичное
Смит [5]	in virtue of having the particular knowledge	as by means of the particular knowledge	the particular
Предлагаемые пер.	[благодаря обладанию] единичной [эпистемой]	благодаря единичной [эпистеме]	единичное

При чтении *An. Pr.* II 21 мы считаем нужным отличать «знание о частном» или же «единичную [эпистему]» от «обыденного знания». Как «обыденное» мы переводим аристотелевское οἰκεῖν. В «Греческо-русском словаре» А.Д. Вейсмана [10] мы находим следующие переводы прилагательного οἰκεῖν (от сущ. ὁ οἶκος – дом):

- 1) домашний, родственный, родной; собственный, свой, частный;
- 2) приличный, подобающий, свойственный.

Это – общепотребительные значения указанного прилагательного в естественном (для античных эллинов) древнегреческом языке. Нас же интересует употребительное значение этой лексемы в философском языке Аристотеля. Слово οἰκεῖον желательно отличать от аристотелевских слов и выражений τὸ κατὰ μέρος (или τὸ ἐν μέρει) (частное), τὸ καθ' ἑκάστων (единичное), к которым мы обратимся далее, а также от ἴδιον (свое) и τὸ ἴδιον (свойство). Поэтому мы предлагаем перевод «обыденное», который, отличаясь от вышеперечисленных слов, отчасти содержит смыслы «домашнее», «свойственное», и в то же время слово «обыденное» используется в философском словаре при противопоставлении теоретического и обыденного познания. Аристотель, употребляя лексему οἰκεῖον, имеет в виду нечто аналогичное именно этой гносеологической дистинкции. Перевод этот предлагается прежде всего для *Ан. Пр.* II 21. В других главах «Аналитик» и других работах Аристотеля этот перевод, возможно, будет неудобен стилистически или по иным соображениям. Сами мы переводим οἰκεῖον в других местах как «свойственное» (но не «свое»). Отметим, что английские переводы *proper* и *peculiar* фактически не отличают «обыденное» (οἰκεῖον) от «своего» (ἴδιον), которое на английский язык также переводят как *proper* и *peculiar*. Существующие переводы οἰκεῖον (обыденное) мы представили в табл. 4.

Таблица 4

οἰκεῖον – обыденное			
Переводчики	67a27–30	67a39–67b3	67b3–5
Дженкинсон [6]	by the kind of knowledge which is proper to them	the knowledge which is proper to the particular	proper to the matter in hand
Фохт [7]	через само знание частного	знание частного	частное
Микеладзе [8]	через само знание частного	знание частного	частное
Смит [5]	in virtue of their peculiar knowledge	peculiar knowledge	peculiar knowledge of something
Предлагаемые пер.	обыденно	обыденное знание	обыденно

Для истолкования «обыденного знания» полезно обратиться к фрагменту 67a27–30 (в котором подводится итог предыдущего фрагмента 67a8–26):

[Ведае] *καφολικески*, [теоретически] созерцаем частное, обыденно же [частное] не ведаем (Τῇ μὲν οὖν καθόλου θεωροῦμεν τὰ ἐν μέρει, τῇ δ' οἰκεῖα οὐκ ἴσμεν); таким образом можно и ошибиться [относительно] не-го [т.е. частного], однако, не [впадая] в противность; (67a29–30), но, имея *καφολικескую* [эпистему], ошибаться [относительно] частной (ἀλλ' ἔχειν μὲν τὴν καθόλου, ἀπατάσθαι δὲ τῇ κατὰ μέρος [τὴν κατὰ μέρος]).

Здесь требуется комментарий к редакции древнегреческого текста 67a29–30. Р. Смит указывает [5. С. 215], что в этой фразе артикль τὴν во втором случае является конъектурой У.Д. Росса, в рукописях же стоит τῇ (мы указали конъектуру У.Д. Росса в квадратных скобках). У.Д. Росс исходит из того, что «частное» означает «частная ошибка» (τὴν κατὰ μέρος ἀπάτην), отме-

чая, что глагол ἀπατάσθαι часто требует однокоренное существительное как прямое дополнение (как в *An. Post.* I 5, 74a6), т.е. он ведет речь об аккузативе внутреннего объекта (аккузативе содержания). Однако, считает Р. Смит, это еще могло бы означать «частное знание» (по сравнению с «кафолическим»). Мы согласны с Р. Смитом. В этом случае конъектура не требуется.

Обратим внимание на противопоставление, которое делает Аристотель в этом фрагменте: с одной стороны, «[ведая] *кафолически*» (соответствует способности к разумению в смысле владения уже приобретенным знанием), «[теоретически] созерцаем частное» (соответствует деятельному разумению, т.е. применению уже приобретенного знания к частному случаю), – с другой стороны, «обыденно же [частное] не ведаем». Получается, что Аристотель противопоставляет «обыденное ведение» «теоретическому созерцанию» (т.е. применению уже приобретенного знания к частным случаям). Дело в том, что о частном (по числу) мы можем высказываться двояко: или, владея уже приобретенной *эпистемой*, применить ее к частному случаю и тем самым получить заключение о частном, или, не владея никакой *эпистемой*, сделать допущение о том же частном.

Например, доказав теорему о том, что сумма внутренних углов всякого треугольника равна двум прямым, мы можем применить ее (через индукцию и умозаключение) к *вот этому* треугольнику; в этом случае мы будем, говоря словами Аристотеля, «[теоретически] созерцать», что «сумма углов *вот этого* (т.е. начерченного нами) треугольника равна двум прямым» (А Γ). Однако мы можем, не доказывая никакой теоремы, аккуратно начертить треугольник и измерить с помощью транспортира его внутренние углы, и тем самым с некоторой степенью точности сказать, что «сумма углов *вот этого* (т.е. начерченного нами) треугольника равна двум прямым» (А Γ). Однако это высказывание не будет *эпистемой*, если под эпистемой иметь в виду некий силлогизм. Аристотель пишет в *An. Post.* I 31, 87b34–37:

...Очевидно, что нет знания через чувственное восприятие, однако ясно, что если и воспринималось бы чувственно, что треугольник имеет углы, равные двум прямым, искали бы доказательство, а не знали бы [уже], как говорят некоторые...

В этом смысле Аристотель и пишет в 67a27–30, что то, что мы теоретически созерцаем, обыденно не ведаем, т.е. обыденно не знаем («обыденно» – значит «без силлогизма», без предварительно приобретенного знания).

В 67a27–28 «обыденное ведение» упоминается лишь отрицательно («обыденно не ведаем»). Позднее же, в 67b2–3 и b4, об «обыденном знании» говорится положительно: «имея обыденное знание», «знать ... обыденно». Слова «знать», «знание» здесь используются Аристотелем с некоторой степенью условности. Речь идет о высказываниях о частном, которые мы допускаем без всякого предшествующего знания (силлогизма). Важно иметь в виду, что одно и то же высказывание о частном, например *Аγ*, может оказаться или заключением силлогизма (*А В, А Γ ⊢ А γ*) (при теоретическом созерцании), или единичным допущением (*А γ*) безотносительно к какому-либо силлогизму (при обыденном знании).

А теперь давайте обратимся ко второй индуктивной посылке подстановочного силлогизма, посредством которого осуществляется деятельное зна-

ние. Как мы уже отмечали, с формально-логической точки зрения обыденное знание ($A\gamma$), вторая индуктивная посылка деятельного силлогизма ($B\gamma$) и частное знание ($A\gamma$) (имеется в виду заключение деятельного силлогизма $Aa\Gamma$, $\Gamma\gamma \vdash A\gamma$) выглядят одинаково, как единичное суждение. Однако для Аристотеля между ними есть разница.

В статье «К вопросу о «двух типах предикации» у Аристотеля» мы писали, что комментаторы различают у Аристотеля т.н. сильную (Сократ – человек) и слабую (Сократ – белый) предикацию [11. С. 41]. С точки зрения Аристотеля, речь идет о двух разных типах высказываний, хотя современным комментаторам эта дистинкция не всегда представляется убедительной. В трактате «Категории» эти два типа предикации различаются так: слабый предикат называется качеством, а сильный предикат – качеством сущности, а далее утверждается, что в случае качества сущности о подлежащем говорится как имя вида (и рода), так и определение вида, например, если Сократ человек, а «человек», допустим, «животное двуногое», то можно сказать, что Сократ есть животное двуногое; в случае просто качества имя качества может говорить о подлежащем, а определение имени – нет. Например, если мы говорим, что Сократ белый, а «белое» определяем как «цвет, рассеивающий зрение», то мы не можем сказать, что Сократ есть цвет, рассеивающий зрение [11. С. 42]. Далее дистинкция качества сущности и просто качества переходит у Аристотеля в важнейшую для его системы мышления дистинкцию присущего в сути и сопутствующего. В свете этих дистинкций вторая посылка «подстановочных» силлогизма $\Gamma\gamma$ содержит в себе сильную предикацию (или же выражает присущее в сути), а обыденное и частное знание $A\gamma$ – слабую предикацию (или же выражает сопутствующее).

С гносеологической точки зрения вторая посылка «подстановочного» силлогизма $\Gamma\gamma$ представляет собой «узнавание». В книге «Философский язык Аристотеля» мы писали, что Аристотель называет «узнаванием» ($\gamma\nu\omega\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$) особый вид познания ($\gamma\iota\nu\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\epsilon\iota\nu$) [4. С. 48–53]. Узнавание у Аристотеля сопряжено с наведением (индукцией). Ибо Аристотель в отличие от современных специалистов называет индукцией (наведением – $\eta\ \epsilon\pi\lambda\omicron\upsilon\omega\gamma\eta$) не только переход от единичного к универсальному, но и обратный переход от универсального к единичному.

Таким образом, с гносеологической точки зрения, вторая посылка «подстановочного» силлогизма ($\Gamma\gamma$) представляет собой узнавание, сопряженное с наведением, в то время как обыденное «знание» ($A\gamma$) представляет собой допущение, а частное знание ($A\gamma$) – силлогистический вывод.

IV

В связи с применением универсального знания к частному случаю Аристотель вспоминает об апории Менона (67a21–26):

Сходно [следует истолковать] довод в «Меноне», что учеба есть припоминание. Ибо никогда не получается знать единичное заранее [$A\Gamma$], а [получается] принять знание о частном [$A\Gamma$] вместе с наведением ($\tau\eta\ \epsilon\pi\lambda\omicron\upsilon\omega\gamma\eta$) [$B\Gamma$], как бы узнавая [единичное] [$B\Gamma$]. Ибо некоторые сразу ведаем, напри-

мер, что [углы равны] двум прямым [А Г], если бы увидели, что [это] треугольник [В Г]. Сходно же и для иных.

Фрагмент *Ан. Пр.* II 21, 67a8–30 является ключевым для дискуссии, касающейся истолкования аристотелевской индукции. А данный фрагмент (67a21–26) наиболее информативен в этом смысле. Индукция упоминается в 67a23. У.Д. Росс считает, что в этом фрагменте Аристотель использует имя «наведения» не-технически. Д. Хамлин же берет этот фрагмент за основу понимания аристотелевской индукции [12. С. 170–171]. Т. Энгберг-Педерсен, вслед за У.Д. Россом, рассматривает использование в этом фрагменте имени «наведение» как до-техническое [13. С. 303–304]¹. С нашей точки зрения, он допускает неточность. Р. Мак-Кирэхэн считает, что использование в данном случае имени «наведение» технично, но это не единственный вариант понимания индукции у Аристотеля. Мы согласны с последней точкой зрения.

Обратим внимание на переводы в данном фрагменте выражения τῇ ἐπαγωγῇ. А Дженкинсон (оксфордский пер.) дает перевод – along with the process of being led to see the general. Д. Хамлин считает такой перевод излишним [12. С. 170]. Р. Смит (1989) уже переводит *by means of the induction*. Следует заметить, что Б.А. Фохт (1952) переводит «индукция», а З.Н. Микеладзе (1978) – «наведение».

Речь в данном фрагменте, как и ранее, идет о применении уже имеющегося универсального знания к частному случаю. Это применение осуществляется с помощью силлогизма:

большая посылка – универсальная (универсальное знание) – сумма углов всякого треугольника равна двум прямым;

меньшая посылка – единичная и индуктивная (узнавание термина) – *вот это* – треугольник;

заключение – единичное (деятельное знание) – сумма углов *вот этого* треугольника равна двум прямым.

Интерес в данном случае представляет тот факт, что в этом фрагменте в явном виде указываются два момента деятельного разумения: «принять эпистему о частном [А Г] вместе», «вместе с *наведением*, как бы *узнавая* (ἀναγνώριζοντας) [единичное] [В Г]». Т.е., во-первых, мы заранее владеем универсальной *эпистемой*, во-вторых, мы узнаем, что *вот это* – треугольник («вместе с *наведением*, как бы *узнавая*»), в-третьих, мы умозаключаем («принять эпистему о частном вместе»). Узнавание и умозаключение происходят «вместе», и тем не менее это два разных момента деятельного разумения.

Итак, у Аристотеля следует различать деятельное знание, универсальное и обыденное. При этом надо отличать вторую посылку «подстановочного силлогизма» как от частного знания, так и от обыденного.

Литература

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздняя классика. М.: Искусство, 1975.
2. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высш. шк., 2001.
3. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира. М.: Высш. шк., 1999.
4. Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.

¹ В прим. 8 [13. С. 318] он пишет, что *индукция* в *Ан. Пр.* II 21, 67a23 означает то же, что и в *Мет.* I 8, 989a33.

5. *Aristotle*. Prior Analytics / Tr. with Intr., Notes, and Comm. by R. Smith. Indianapolis-Cambridge: Hackett Publishing Company, 1989.
6. *Aristotle*. Prior Analytics / Tr. by A.J. Jenkinson // Great Books of Western World. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952. Vol. 8. P. 39–96.
7. *Аристотель*. Аналитика первая и вторая / Пер. и ком. Б.А. Фохта. М.: Госполитиздат, 1952.
8. *Аристотель*. Первая аналитика / Пер. З.Н. Микеладзе // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 117–254.
9. Орлов Е.В. Аристотель о частных и универсальных доказательствах во «Второй аналитике» А // Вест. НГУ. Серия: Философия и право. 2003. Т. 1, вып. 1. С. 144–152.
10. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина (репр. 5-го изд. 1899), 1991.
11. Орлов Е.В. К вопросу о «двух типах предикации» у Аристотеля // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 1. С. 41–46.
12. Hamlyn D.W. Aristotelian Epagoge // Phronesis. 1976. № 21. P. 167–184.
13. Engberg-Pedersen T. More on Aristotelian Epagoge // Phronesis. 1979. № 24. P. 301–319.